

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2001

Содержание

1. ЧТО ТАКОЕ «ПОГРАНИЧЬЕ»
2. «ПСИХИ НЕНОРМАЛЬНЫЕ»
3. СОН О ПОЛЬШЕ
4. РЕПАТРИАЦИЯ ИЛЛЮЗИЙ
5. ПРЕМИЯ ЧЕСЛАВА МИЛОША
6. СТИХОТВОВЕНИЯ
7. СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧТО ТАКОЕ «ПОГРАНИЧЬЕ»

Фонд «Пограничье» создан в мае 1990 года. В январе 1991 г. сувалкский воевода создал центр «Пограничье — искусств, культур, народов» с местопребыванием в Сейнах.

Сейны — это городок пограничья, где сохранились материальные и духовные следы наследия прошлого. Сама архитектура говорит об этом: центральные улицы с «Белой синагогой» и бывшей талмудической школой (ныне Центр документации культур пограничья) напоминают о наследии евреев; маленькая лютеранская кирха — о бытности протестантов; возвышающаяся над городом базилика с могилой епископа-поэта Антанаса Баранаускаса — о совместной жизни поляков и литовцев, составляющей и действительность сегодняшних Сейн. В окрестностях много русских старообрядцев, а если отправиться дальше на восток и на юг, то мы попадем в еще более обширные пространства взаимопроникновения культур: селения караимов, татар и цыган, а за ними уже простираются Белоруссия и Украина.

Глядя из Сейн, видишь Центральную и Восточную Европу. Желая обратиться к отечественному наследию, решать здешние проблемы и быть настоящим хозяином, ты вынужден глядеть далеко, уделять внимание соседям, а дверь в свой дом держать открытой. Поэтому вся территория нашей части Европы становится естественным пространством деятельности «Пограничья».

Часть его деятельности носит характер постоянного, повседневного труда: Центр документации культур пограничья, Класс культурного наследия, Сейненский театр, Клезмерский уличный оркестр, галерея «Белая синагога» и издательство «Пограничье».

Другие виды деятельности носят характер циклических проектов, осуществляемых раз или несколько раз в год: «Память древних времен», «Навстречу другому», «Центральноевропейский культурный форум». «Цыганская артистическая деревня», «Европейская школа пограничья», «Открытые регионы Центральной и Восточной Европы», «Camera pro minoritate» и «Кафе “Европа”».

Открытые регионы Центральной и Восточной Европы

Это долгосрочный проект, ставший результатом нескольких лет опыта культурной работы на пространствах центрально- и восточноевропейского пограничья. Его главный принцип — многостороннее и глубинное проникновение в межкультурные процессы, идущие в рамках общин пограничья, путем экспедиций, сбора документов, работы по искусству и образованию, наконец, популяризации многокультурного наследия регионов в форме публикаций, семинаров, образовательных программ, выставок, концертов, театральных спектаклей и киносеансов.

Осуществленные до сих пор проекты были посвящены Трансильвании, Боснии, Буковине и Спишу (району Словакии. — Пер.), а также многокультурным городам — Вильнюсу и Праге.

Издательство «Пограничье»

«Красногрудка» — журнал, посвященный культурной жизни, литературе, искусству, истории и национальным вопросам стран Центральной и Восточной Европы. Тематические номера, посвященные Праге, Боснии и бывшей Югославии, Буковине; специальный номер на английском языке, подготовленный вместе с «европейской столицей культуры» 1998 года — Стокгольмом.

«Библиотека “Красногруды”» — книги центральноевропейских авторов. Из художественной литературы, в частности, изданы антологии словенской и босняцкой поэзии, двуязычный (по-польски и по-литовски) сборник стихов Марцелюса Мартинайтиса, «Библиотека сараевских поэтов» (8 сборничков стихов), романы Григория Кановича, Тересы Любкевич-Уранович, эссеистика Джевада Карахазана и Лешека Шаруги.

Из книг по истории и истории культуры вышли: монографии Даниэля Бовуа о польско-украинском пограничье и Адама Бартоша об истории и культуре цыган, воспоминания Александра Яцковского, альбом на четырех языках о Спише, составленный Антонием Крогом и сборник под редакцией Казимежа Фелешки, ставший итогом семинара «Буковина на стороне диалога».

Память древних времен

Проект, осуществляемый с группой детей пограничья, в которую входят поляки, литовцы, украинцы и русские (из семей старообрядцев).

Цель образовательно-художественной работы — поиски ответа на вопрос: как сделать традиции жизненной ценностью молодых поколений под конец XX века?

Опорой отдельным частям проекта: «Дом», «Гнездо» и «Храм» — служит ближайшее пространство, окружающее детей, его архетипический, символический и сакральный пласты. Проект осуществляется путем действительного строительства дома, гнезда и храма, сопутствующих этому художественных занятий, экспедиций в деревни к старикам, путем познания других.

«Camera pro minoritate»

Так называется международная киновстреча, посвященная народам, культурным общинам и «малым родинам» Центральной и Восточной Европы. Встреча проводится раз в год в Вигерском монастыре в Сейнах и состоит из двух основных частей:

- показ документальных и художественных фильмов, а также телепередач, посвященных национальным меньшинствам;
- семинар и дискуссии с участием режиссеров, ученых, кинокритиков и представителей национальных меньшинств.

Класс культурного наследия

Европейская образовательная программа, в которой участвует молодежь средних школ Сувалкского края. Цель его — углубить исторические и культурные знания о собственном регионе. Программа осуществляется в трех практических направлениях:

- дополнительные уроки в школе, встречи и дискуссии с видными писателями, художниками, мыслителями;
- экспедиции в районы пограничья и многокультурные города (Вильнюс, Трансильвания, Белоруссия, деревни польско-украинского пограничья), общение с их жителями, сбор документов по культурному наследию;
- собственный художественный труд, основанный на знаниях и полученном опыте (выставки, публикации, фильмы, спектакли, концерты).

Сейненский театр

Труппа состоит из воспитанников класса культурного наследия. Ее участников соединило желание углубить интерес к культурному пошлему и выразить это в артистической форме. Начинали они с малых театрально-музыкальных представлений, позволявших встречаться с людьми во время каникулярных походов в по регионам пограничья. Благодаря этому опыту они смогли погрузиться в мир прошлого, извлекаемый из подвалов памяти стариков, с которыми они встречались.

Спектакль «Дибук» («На рубеже двух миров») по драме еврейского драматурга Семена Анского глубоко погружен в зачарованность прошлым, вырос из восхищения традициями хасидов и музыкой клезмеров.

Спектакль «Вьюны» основан на драме Тересы Любкевич-Урбанович, а также на своих собственных или записанных в экспедициях текстах, на рассказах и песнях, обнаруженных в деревнях с польским населением в окрестностях Лиды (Белоруссия).

Клезмерский уличный оркестр

Страсть к исполнению клезмерской музыки родилась во время работы над «Дибуком», но очень быстро вышла за рамки театральной работы и породила Клезмерский уличный оркестр.

Аккордеон, скрипка, кларнет, мандолина, контрабас, альт, цимбалы и бубен — вот инструменты этого ансамбля.

Играют они в спектакле, на музыкальных беседах, на танцах и в концертах. Самыми важными они считают концерты в «Белой синагоге» в Сейнах — в том месте, где все еще звучат воспоминания о пропавшем мире. В августе 1998 г. они сыграли там концерт вместе со знаменитым кларнетистом Давидом Кракауэром, который перед тем проводил с ними занятия по музыке клезмеров.

Школа пограничья

Программа обучения лидеров культурных, образовательных и общественных организаций, действующих в регионах центрально- и восточноевропейского пограничья.

Обучение продолжается год и делится на три сессии, проходящие в местностях, отличающихся богатыми традициями сосуществования культур, а также опытом

национальных и религиозных конфликтов (Сейны, Супрасль, Черновцы, Сараево и т.п.).

Программа школы делится на три основные части:

- мастерская лидера готовит к руководству организациями и созданию хорошо подготовленных программ, включающих ясно определенные цели и методы деятельности;
- мастерская пограничья обеспечивает познание многокультурных регионов Центральной и Восточной Европы, их историко-культурного наследия, национальных и конфессиональных конфликтов, а также их общественно-политического положения;
- мастерская организатора обучает формам и методам деятельности по конкретным проблемам: правам человека, проблемам национальных меньшинств, образования, терпимости, масс-медиа и т.п.; работает на основе опыта видных организаторов и программ авторитетных организаций.

Каждый слушатель, пользуясь советами специалистов, разрабатывает собственную программу, которую в будущем осуществит.

Слушатели школы и преподаватели работают в тесном сотрудничестве, взаимно поддерживая осуществление многих общих проектов.

«ПСИХИ НЕНОРМАЛЬНЫЕ»

... ощущение возможной реаль

ности следует ставить

выше ощущения реальных

возможностей.

Роберт Музиль

1.

Рассказ о бурной эпохе, наступившей после падения берлинской стены; рассказ, излагаемый спустя десять лет, в ходе которых мы быстро выросли и теряли детские иллюзии времен перелома; рассказ о событиях повседневной жизни и творческих успехах и неудачах, но видимых не из какого-нибудь крупного культурного центра, а из провинциального захолустья – такой рассказ можно было бы начать, например, так...

В Сейнах, маленьком городке с большим историческим прошлым, расположенном на краю света (так говорили потому, что рядом проходила граница с СССР, и здесь все прерывалось), на полдороге между польским и литовским Домами культуры (последний появился здесь совсем недавно), на улице Пилсудского (бывшей Красной Армии), почти напротив «епископского дворца», по соседству с муниципалитетом с одной стороны и канцелярией старосты – с другой, недалеко от литовского консульства с будкой часового, охраняющего флаг и герб со всадником, и от круглосуточно открытых пунктов обмена валюты; на оси, проходящей через заброшенный доминиканский монастырь и знаменитую базилику; в здании синагоги, которое современники запомнили как склад минеральных удобрений, а также в здании фабрики тапочек, которая не пережила падения коммунизма, и в котором еще раньше размещалась талмудическая школа; и в здании старой почты, где во время (все еще не законченного) ремонта был обнаружен молитвенный свиток, хранившийся когда-то в мезузе и помнящий времена некогда размещавшейся здесь еврейской гимназии – живет и действует Центр «Пограничье – искусств, культур, народов».

Это название не имеет ничего общего с пограничной заставой, офицеры которой упорно ставят свои машины прямо перед зданием синагоги, потому что так им ближе до места службы. Когда-то один офицер с заставы объяснял перед камерами телевидения, что пограничье, или пограничная зона – это полоса земли, отделяющая территорию одной страны от другой. Работники «Пограничья», расположенного прямо напротив заставы, имеют по этому поводу совершенно противоположное мнение, утверждая, что это зона взаимного проникновения, сосуществования и диалога. Мало того, они еще и делают все возможное, чтобы именно так дело обстояло в действительности. По этому вопросу они иногда обращаются к начальнику заставы и его подчиненным с предложениями о сотрудничестве, и те – за редчайшими исключениями – эти предложения принимают. Это лишь подтверждает один из принципов нового строя, что правильно понимаемая конкуренция не уничтожает блага, а их создает.

Труднее будет провести подобное доказательство в отношении других принципов, внедряемых в жизнь после великого исторического перелома. Хотя, кстати, существуют примеры возвращения собственности законным владельцам в Сейнах и окрестных местечках: католической Церкви вернули здания доминиканского монастыря и «епископского дворца», была проведена реприватизация зданий и земельных участков, а нотариусы рылись в старых архивах, пытаясь отыскать законных владельцев окрестных усадеб. Мало кто рассчитывал на возвращение кого-либо, кто заявил бы права на небольшой молельный дом, принадлежавший протестантам из евангелической церкви, но когда «пришлые» появились в зданиях синагоги и хедера – тут уж всем все стало ясно. Однако после нескольких инцидентов в местном ресторанчике, когда благоразумные предостережения официантки, что заказанные блюда приготовлены из свинины, встретились с полным отсутствием какой бы то ни было реакции со стороны работников Центра – население было вынуждено примириться с тем фактом, что жизнь не всегда соответствует очевидной логике фактов. Не следует, впрочем, забывать и о плохо скрываемом разочаровании местных жителей, связанном с этим фактом.

По-прежнему открытым вопросом оставалось определение национальной или социальной принадлежности этой группы странных личностей, которые прибыли сюда со разных концов Польши (только один человек среди основателей был из местных). И вот однажды – а было это тогда, когда через порог Центра «Пограничье» переступали люди самых разных

национальностей и вероисповеданий, которые жили по соседству, но никогда не встречались друг с другом, а в старой синагоге до утра горели свечи и раздавались песни на разных языках, – на принадлежащем Центру автомобиле появилась крупная надпись «ПСИХИ НЕНОРМАЛЬНЫЕ». Но если в случае других надписей, появлявшихся в общественных местах, как, например, «Литовцев – в газовую камеру», «Польша для поляков» или «Jude raus» , было более или менее ясно, кто их авторы, принадлежавшие, как правило, к среде местных хулиганов-подростков (быть может, именно поэтому никто не торопился их замазывать, что справедливо возмущало граждан, особенно тех, кто был не местного происхождения), то в данном случае ее автор до сих пор остается неизвестным, Ясно лишь, что его почерк ни в чем не напоминал почерка авторов других упомянутых выше надписей и призывов.

Появление магической надписи «ПСИХИ НЕНОРМАЛЬНЫЕ» совпало во времени с некоторым ослаблением напряженности, несомненно ощущавшейся в местечке с момента появления загадочного учреждения, размещающегося в доме № 37 на улице Пилсудского. Все вошло в привычную колею и постепенно стало на свои места. Странности пришельцев начали казаться чуть-чуть менее странными. В работе Центра начали принимать участие дети и подростки, а вслед за ними – и их родители, учителя, члены органов местной администрации, лица духовного звания и просто общественники. Пришельцы же старались по достоинству оценить это согласие со стороны местных жителей на свою непохожесть на них и, в свою очередь, с уважением относиться к их особенностям, к их полной ран и болячек исторической памяти и особому взгляду на мир. Они никогда никого не поучали, скорее слушали, стараясь понять и научиться чему-то от старших и найти свой ответ на различные проблемы и трудности, которые теперь уже стали общими.

2.

Эпоха перелома 1989–1991 гг., которая стала для них эпохой становления, все еще кажется несколько нереальной. Если взглянуть на вещи трезво, то в том, что тогда происходило, было слишком много безумия, наивности, утопического мышления и случайности, чтобы в будущем из этого могло возникнуть более или менее прочное здание.

Под конец 1989 года они пошли к нотариусу в Познани, чтобы зарегистрировать Фонд «Пограничье». Тот, поглядев на них, сжалился и сказал, что будет достаточно, если каждый из них

внесет 10 тысяч тогдашних злотых на уставной капитал. Их было семеро, и они распределили между собой обязательные должности. Однажды вечером, когда они возвращались переполненным автобусом из Сейн, кто-то из них, по всей видимости крайне растерянный, тихо спросил: «Так кто же мы теперь? Секретари?» И услышал в ответ: «Нет. Председатели». Денег они с этого имели с гулькин нос, но все же достаточно, чтобы начать подготовку «Путешествия на Восток», намеченного на лето 1990 года. Они сколотили телеги, в том числе одну – для своих детей, запрягли коня, подготовили старый джип и отправились в четырехмесячное путешествие со своей труппой, работающей над спектаклем по «Кровавой свадьбе» Федерико Гарсия Лорки. В пути они составляли программу деятельности Центра, который им хотелось создать. Было ясно, что он должен находиться где-то на пограничье многих культур, но они еще сами не знали, где именно. До этого они искали место на Лемковщине, в Перемышльском и Белостоцком воеводствах. Теперь их путь вел через Кашубы. Но самыми реальными оставались Сейны, привлекавшие к себе, помимо всего прочего, еще и лежащей поблизости «Милошевкой» в Красногруде, Белой Синагогой, близостью Вильнюса, уже завязавшимися дружескими контактами с некоторыми литовцами и русскими староверами, присутствием Анджея Струмилло в Мачьковой Руде и Весека Шуминьского – в Краснополе.

В свободные минуты, которые выдавались в этом путешествии, они приходили со своими проектами в различные учреждения, принося с собой запах костра и влажной травы. Заместитель министра культуры Стефан Старчевский выслушивал их с огромным терпением, хотя на неоднократно задававшийся им вопрос: «Так чего же, собственно, вы от меня ожидаете?» он так никогда и не получил ясного ответа. Зато воевода в Сувалках бегал от них как черт от ладана, пока однажды они не подстерегли его на боковой лестнице собственного управления, когда он в очередной раз пытался скрыться от назначенной по телефону встречи. В руках у него была авоська с рыбами, с которых капала вода. Этот момент стал переломным. Они сели за стол и назначили дату приезда министра, который вскоре и состоялся. Свидетели этого события, которое для летописцев эпохи встречи старого с новым должно иметь символическое значение, сохранили в памяти все возрастающую обеспокоенность министра, человека скромного, еще недавно активиста хельсинкского движения в защиту прав человека, когда в зале совещаний стали вырастать пирамиды из ящиков со спиртным, а на столе появлялись нескончаемые блюда со все более изысканными яствами. Беспокойство росло и в рядах

хозяев: чем дольше говорил министр, тем менее ясными становились истинные цели его приезда. Под конец этого мучительного для обеих сторон совещания, когда уже последние, отчаянные попытки хозяев заинтересовать приезжего в высшей степени взаимовыгодными деловыми предложениями, не встретили никакого отклика, становилось все яснее, что высокий гость приехал исключительно ради безумной идеи некой группки молодых людей. Никто из реалистически мыслящих сотрудников местного управления в это так до конца и не поверил, так что впоследствии многие продолжали сожалеть об упущенной возможности разгадать подлинные причины приезда министра и в итоге обзавестись «своим человеком» в Варшаве. Что же касается решения о создании Центра культуры, чиновники выбрали тактику, которую можно сравнить со знаменитой «Параллельной Акцией» из «Человека без свойств» Роберта Музиля, заключающейся в том, чтобы «окончательно перенести вопрос проведения в жизнь реальных действий на позднейшее рассмотрение в духе идей активного пассивизма».

Тем временем, независимо от хода рассмотрения вопроса в соответствующих учреждениях, с некоторого момента вокруг поначалу туманной идеи создания Центра культуры на пограничье начали происходить совершенно невероятные вещи, которых никто не мог предвидеть и значение которых трудно переоценить.

Так, например, Чеслав Милош, вернувшийся в свои родные края полвека спустя, в келье Вигорской пустыни до глубокой ночи выслушивал рассказы идеалистов о том, что они хотели бы сделать в Сейнах, время от времени поднимая в каком-то детском удивлении свои кустистые брови. Дело в том, что он запомнил Сейны – иногда приезжая сюда в отпуск из Вильны или Парижа – как захолустнейший провинциальный городок, хотя, следует признать, и обладающий мощными тротуарами. Он лишь иногда прерывал их короткими вопросами: «А где вы будете жить?» или «А как же дети?»

«Странный человек, – размышляли они. – Поэт, а такой конкретный». В том, что конкретные вещи являются не только драгоценным поэтическим сырьем, но и весьма пригождаются в повседневной жизни, они убеждались впоследствии неоднократно, когда различные предпринятые паном Чеславом практические шаги помогли им в реализации их планов.

Вот, например, сенатор Анджей Вайда, выступая на собрании сейненского муниципалитета, недвусмысленно дал понять, что помещения, оставшиеся после «фабрики мягкой обуви», было

бы весьма желательно передать Центру «Пограничье». А как только это будет сделано, он лично окажет содействие в ремонте этих помещений средствами принадлежащего ему фонда.

Или, например, Анджей Струмилло, размахивая своими крупными руками перед усердно поддакивающим бургомистром Сейн, повторял: «Надо, надо думать о будущем города!», что в данном случае должно было означать, что из скромного городского жилого фонда следует хотя бы одну квартиру выделить приезжим.

Примерно в это время ликвидируется госхоз в прежнем поместье в Малой Гуте, и в Сувалках, столице воеводства, начинается обсуждаться вопрос о возможной передаче этого почти полностью разрушенного «объекта» организаторам «Пограничья», чтобы у тех наконец появилось собственное пристанище.

Следует обратить внимание на еще один факт из этого по необходимости краткого описания обстоятельств, сопутствующих возникновению Центра (прежний весьма туманный образ которого уже начинал приобретать реальные черты). Выше мы уже упоминали о чиновниках государственной администрации, которые судорожно держались за методы работы, принятые при старом порядке. Однако это были уже рудиментарные формы, бесповоротно (как тогда казалось) уходящие в прошлое. На их место пришло нечто, что можно было бы назвать безграничной верой в то, что все теперь будет по-новому, и что нужно активно идти навстречу этому новому, пусть даже еще не до конца сложившемуся. Трудно сказать, что именно сыграло здесь решающую роль – бесконечная кадровая чехарда, панический страх, хаос и растерянность, или же простой инстинкт хамелеона, заставляющий человека менять кожу с некоторым упреждением, чтобы не дать застать себя врасплох новым обстоятельствам. Так вот, речь идет именно об этом упреждении, которое в ту пору означало готовность принять любые новые веяния. Каждая безумная идея, любое новое, далекое от прежних шаблонов предложение казались принадлежащими новому порядку вещей. Чиновники уверовали, что теперь в сфере культуры будут возникать исключительно такие центры по новому образцу, а все остальное вскорости исчезнет, как исчезли госхозы. Через некоторое время они, однако, заметили, что подобного новаторства в области культуры никто от них не ожидает и не требует, и уж в особенности сами ее деятели, озабоченные в

первую голову сохранением того, что уже существовало. К глубочайшему сожалению, эти деятели культуры (за редкими исключениями) не сообразили, что в этот короткий исторический период, который наверняка не скоро повторится, именно чиновники могли стать их партнерами в реализации самых невероятных проектов.

Похоже, создателям «Пограничья» удалось успеть проскочить через дверь, которая едва приоткрылась, чтобы почти тотчас же снова закрыться.

В то время, когда большинство учреждений культуры ликвидировалось, в Сувалкском воеводстве начинал создаваться новый культурный центр. Очередным благоприятствующим этому процессу обстоятельством стало появление нового воеводы, Францишека Васика, которого не потребовалось долго убеждать в целесообразности этого начинания. Оставался нерешенным лишь вопрос финансирования, поскольку урезать бюджет уже существующих учреждений культуры никто не собирался. Почти в последний момент пришло известие, что в министерстве изыскали какие-то резервы. Теперь нужно было только проследить, чтобы решение о выделении средств было передано по назначению до истечения календарного года. В воздухе запахло трагедией, когда из Варшавы сообщили, что передать в Сувалки соответствующее распоряжение никак не удастся. Оказалось, что причиной этого было отсутствие бумаги в телексе местной администрации. После взволнованных телефонных переговоров и последних отчаянных усилий наконец удалось собрать комплект всех необходимых документов. Это случилось в 13 часов 31 декабря 1990 года. Через семь дней после Нового Года воевода издал распоряжением о создании Центра «Пограничье – искусств, культур, народов» с местопребыванием в городе Сейны.

3.

Когда существование Центра стало фактом, когда все формальные трудности уже были преодолены, его создатели уже знали, что делать. Они сознавали, что дух времени требует от них разведки новых территорий в области культуры и воспитания. Их также привлекали поиски нового выразительного языка для своего творчества. Реализация собственных театральных проектов была временно отложена, и они с головой погрузились в проблемы культурного тождества пограничья, возрождения «малых родин», межкультурного диалога, воспитания терпимости, специфики Центральной и

Восточной Европы, отношения молодых поколений к традиции, сохранения документов и предметов материальной культуры прошлого, «спокойного» туризма и художественной работы с детьми и подростками. Тогда все происходило или создавалось впервые: первый семинар, посвященный теме «малых родин», первые лекции в школах о национальных меньшинствах, первое путешествие в Трансильванию, первое открытие многонационального Вильнюса (совместно с тамошними литовцами, поляками, русскими, белорусами, евреями и караимами), первый форум культуры Центральной и Восточной Европы, первые Классные занятия по культурному наследию, первый Центр документации по культурам пограничья.

Мероприятия, проводившиеся Центром, выходили за рамки привычных представлений местных жителей о том, как следует жить в условиях пограничья, но ведь никто и не ожидал от пришлых «психов ненормальных», что они сделаются такими, как все.

Случалось, что в базилике, еще помнящей недавние баталии по поводу отправления службы на литовском языке, поляки и литовцы молились вместе – по-латыни и каждый на своем языке. В синагоге в «день памяти усопших», приходящийся на католический праздник Дня всех святых, встречались в общем кругу песен и воспоминаний поляки, литовцы, украинцы, белорусы, евреи, цыгане и русские-старообрядцы. На уроках в школах стали появляться представители национальных меньшинств, чтобы рассказать о себе.

Посол Румынии сообщил бургомистру о своем намерении приехать, чтобы выяснить некоторые «вызывающие озабоченность» факты, связанные с показом в Сейнах многонационального культурного наследия Трансильвании. В семьях местных жителей в течение нескольких дней гостили граждане разных национальностей из бывшей Югославии, принимавшие участие в проекте «Понять Боснию». В лице появились дополнительные занятия на тему истории и культуры Великого Княжества Литовского и самого местного региона. На «стодневки» стали приглашать молодежную группу Сейненского театра, играющую «крутую»

СОН О ПОЛЬШЕ

Как живется соотечественникам с Востока на их исторической родине?

— У моего отца была самая большая в Новосибирске библиотека научной фантастики. Книги были написаны по-польски. На сон грядущий я слушал сказки Лема, — говорит 26 летний Михал Янчук, журналист Польского радио. Родился он в Сибири, но в школу ходил в Бресте. Подростком вступил в Союз поляков, играл в польском любительском театре, с которым в 1989 г. впервые приехал на родину предков. Его увлекло нешаблонное мышление поляков, захватила горячая атмосфера политических перемен.

— Ездить в университет мне было ближе в Варшаву, чем в Минск, — говорит Михал. — Не только по километрам.

Едва он получил зачетку Варшавского университета, пришла повестка из военкомата. Об отсрочке не могло быть и речи — ее давала только учеба в советском вузе. Он сбежал в Польшу с сумкой консервов и адресом люблинского знакомого в кармане. Пока не устроился в общежитии, работал на чужих огородах, собирал помидоры.

— Уже в первые месяцы, проведенные здесь, я обнаружил, что Польша вовсе не открыта к людям извне. Проявления ксенофобии я замечал довольно часто, как по отношению к африканцам, так и к людям с Востока, — сокрушается он. Когда он разговаривает с кем-нибудь по-русски, по-прежнему замечает враждебные взгляды.

Наталье Гришкевич 26 лет. Она студентка польской и белорусской филологии Варшавского университета.

— Недавно мой жених, поляк, признался, что в первые месяцы знакомства относился ко мне отчужденно. Он не знал, чего ожидать от девушки с Востока. Это характерно для отношения поляков к пришельцам из-за восточной границы, — говорит Наталья. Ей было ясно, что учиться она будет в Польше. Дома говорили исключительно по-польски, читали польские книги, справляли польские праздники.

Из подобных побуждений приехала в нашу страну и Галина Суханская из Меженца, маленького городка на Украине. Сегодня она студентка Ягеллонского университета.

— Здесь моя родина, вся моя семья, и здесь я чувствую себя на своем месте, — говорит она. Она считает, что в Польше гораздо легче сделать карьеру. — Не нужно иметь так много знакомств, как на Украине. Главное — способности.

— В Польше люди лучше образованы, читают больше книг, им не приходится думать, как выжить. Это позволяет сосредоточиться на профессиональном росте, — добавляет Альбина Круль, полька из Львова, соседка Суханской по общежитию.

По данным министерства внутренних дел и администрации (МВДиА), в нашей стране легально пребывают почти 20 тысяч иностранцев. С территории бывшего СССР больше всего граждан Украины (около 3 тыс.), России (1,7 тыс.) и Белоруссии (1,3 тыс.).

Многим нашим соотечественникам, особенно из азиатской части бывшего Советского Союза, жизнь в нашей стране кажется идиллией. Столкновение представлений о Польше с действительностью часто приносит им горький опыт, о чем говорят исследования доктора Бронислава Козловского из Института социологии Щецинского университета, опубликованные в бюллетене «Вспульнота польска». С расстояния в тысячи километров Польша выглядит страной, в которой «всем живется хорошо и спокойно», а поляки — людьми «богатыми, культурными, добрыми, готовыми помочь другим».

Самая большая проблема поляков из Казахстана — незнание польского.

— Мне пришлось перейти серьезный психологический барьер, но в конце концов я его преодолела и заговорила по-польски, — вспоминает Ромуальда Загурская, репатриировавшаяся из Казахстана вместе с сестрой и родителями в Бурк под Мальборком. Сестра сразу начала работать врачом, родителям дали пенсию. Сама Ромуальда, учительница математики, сначала получила место воспитательницы в интернате.

— Дети стали обращаться ко мне за помощью в уроках, а я тут же поставила вопрос ребром: я вам помогу по математике, а вы мне — по польскому, — вспоминает она. Теперь она преподает в школе.

Однако большинство поляков из Казахстана не так хорошо владеют языком, как она.

— Я оправдываю их тем, что в казахских деревнях не было учителей польского языка. Но меня злит, когда люди, имея возможности, не делают ничего, чтобы выучиться польскому, — говорит Алина Ивашкевич из общества «Поврут» («Возвращение»), которая помогает полякам из Казахстана прижиться на родине. Соотечественникам с востока помогает также «Вспульнота польска» («Польская община»), которая организует для вновь прибывших курсы. В них приняли участие 731 человек, то есть почти половина репатриантов из Казахстана.

— Мы учили их не только польскому языку, культуре, истории, но и тому, как заполнять анкеты, платить налоги, страховые взносы, — перечисляет Агнешка Панецкая из «Вспульноты польской».

Обычно репатрианты не вступают в близкие контакты с местным населением, несмотря на множество проявлений симпатии к ним.

— Польша — моя духовная родина. Большинство абстрактных понятий я узнал на польском языке, на нем мне легче спорить, учиться, писать, — делится с нами Михал Янчук. — Но Сибирь — моя первая, естественная родина. Это один из прекраснейших уголков на свете, — добавляет он.

— Я тоскую по близким и по тем местам в Литве, где прошли мои детство и юность, — признается Антоний Брузгилевич, врач из клиники отоларингологии варшавской Медицинской академии. Он приехал в Польшу на стажировку по специальности, потом окончил здесь аспирантуру. Ему, выросшему в польской семье, решиться остаться в Польше было нетрудно.

Если человек родом с бывших польских восточных земель, утверждают наши собеседники, это обычно вызывает симпатию и желание помочь. Несколько прохладней принимают тех, кто прибыл из Казахстана, главным образом из-за того, что они слабо знают польский.

— В последнее время отношение поляков к репатриантам изменилось к лучшему, в частности потому, что в стране все больше представителей других национальностей, — говорит Агнешка Панецкая. Она считает, что поляки все еще слишком мало знают о своих соотечественниках за рубежом.

Пока что возможность найти себе место на исторической родине есть прежде всего у поляков из Казахстана; это следует из нового проекта закона о репатриации.

— Люди с прежних восточных окраин живут в своих родных местах, в Казахстане же поляки оказались по принуждению. Там остались те, кто до сих пор не мог вернуться в Польшу, потому что на них не распространялись договоры о репатриации и им не позволяла политическая ситуация, — объясняет Ежи Мойсеюк, директор департамента гражданских дел МВДиА. — Они живут в трудных условиях.

— У поляков в Белоруссии и на Украине экономическое и социальное положение хуже. Исключение составляет только Литва, — не соглашается Михал Янчук. — Ведь большинство поляков из Казахстана — это уже русские польского происхождения. Если Польша действительно хочет им помочь, надо действовать в двух направлениях: не только привозить их сюда, но и восстанавливать польское национальное начало там, в частности открывать польские школы.

К полякам с прежних восточных окраин (из Белоруссии, Литвы, с Украины) сегодня относятся, как ко всем прочим иностранцам. Формальности, связанные с получением постоянного вида на жительство, а тем более гражданства, затягиваются до бесконечности. Даже если у человека есть постоянная легальная работа, но при этом нет постоянного вида на жительство или статуса беженца, за любую медицинскую помощь он должен платить сам. Часто такие расходы ему не по карману.

— Я в обиде на польские власти за то, что ко мне относятся как к обыкновенной иностранке и мне не положено никаких льгот, — говорит Наталья Гришкевич.

Соотечественники с Востока ассоциируются теперь уже не только с базарными торговцами.

— Это вызвано тем, что приезжает все больше людей образованных, честолюбивых, — поясняет Михал Янчук. Польша открылась к Западу, и в этом причина того, что мы закрываемся от Востока. — Поляки не ездят ни в Киев, ни в Москву. Средства массовой информации пугают бандитизмом. Пока это не изменится, не изменится радикально и отношение к полякам с Востока.

РЕПАТРИАЦИЯ ИЛЛЮЗИЙ

Наши соотечественники в Казахстане и других республиках бывшего СССР, люди, как правило, малообразованные, почти всю жизнь прожили в условиях коллективизированной экономики, судьбу их решало государство. Неудивительно поэтому, что, когда им представилась возможность хозяйствовать на собственной земле, они либо отказывались ее брать, либо, взяв, позже бросали. В Польше они столкнулись с подобными же трудностями. На самом деле репатриация пойдет на пользу только их детям и внукам.

Опыт гмин, несколько лет назад принявших репатриантов, подтверждает, как труден процесс ассимиляции переселенцев. В Немстове под Люблином в 1996 г. обосновалось многочисленное семейство Бродовских из Казахстана — 29 человек. Сельскохозяйственная комиссия министерства финансов передала им в аренду через объединение «Польская община» 600 гектаров земельных угодий и строения, оставшиеся от бывшего госхоза. После двухлетних попыток хозяйствовать на собственной земле репатрианты опустили руки. В обветшалых неотапливаемых помещениях осталось жить только четыре семьи из клана Бродовских. Остальные разъехались кто куда: одни остались в Польше, другие вернулись в Казахстан.

Семейство Пачковских из Казахстана два года тому назад поселилось близ Жаганя. Гмина предоставила им жилье и участок площадью в 5 гектаров. Спустя два года Гизела Пачковская, немка по происхождению, решила эмигрировать с детьми в ФРГ. Оставшийся в одиночестве Ян Пачковский вернулся в Казахстан. Уезжая, он продал всю подаренную семье мебель и утварь. Из собранных нами данных следует, что в 1997 г. на Восток вернулись три семьи, в 1998 г. — восемь, а в прошлом году — 13. Большинство остается, но это не означает, что они трудоустроены, а свидетельствует лишь о том, что им хватает на жизнь того пособия, которое они получают от государства: сумма его в десять раз выше, чем в Казахстане или России. Большинство из 2,5 тыс. репатриантов живет за счет социальной помощи.

Гминам, которые изъявляют готовность принять у себя репатриантов, будут предоставлены дотации из госбюджета. Из правительственных средств они смогут также частично

возместить работодателям расходы на зарплату, страховые взносы, создание рабочих мест, — сообщает Артур Козловский, замдиректора департамента по гражданским делам МВДиА. — Государство оплатит также обучение детей и частично покроет расходы на ремонт или перестройку жилья. На все это должно хватить около 50 млн. злотых — именно столько средств планируется выделить на репатриацию в будущем году.

Между тем, если Польша будет ежегодно принимать по 5 тыс. человек, только расходы, связанные с их прибытием в страну, обустройством и трудоустройством, превысят сумму в 100 млн. злотых в год. Если к этому прибавить расходы на содержание уже осевших в Польше репатриантов, это по меньшей мере еще 100 млн. злотых. Дополнительные деньги нужны и на пособия по безработице, на минимальные пенсии и пособия по старости, а также на взносы в больничные кассы, то есть еще 100 млн. злотых. Отдают ли себе в этом отчет правительство и законодатели?

С созданием рабочих мест тоже возникают проблемы. Сейчас работает меньше половины репатриантов, к тому же в основном они сами нашли себе работу. Галина и Борис Крачковские два года живут в Слупах в Варминско-Мазурском воеводстве. Им никак не удастся получить визу репатрианта (Борис — украинец), а значит, они не имеют права ни на постоянное местожительство, ни на легальную работу. У обоих — высшее образование, но живут они на свои сбережения, да время от времени перепадает кое-какая физическая работа.

Повезло лишь немногим, прежде всего хорошо образованным людям. Ромуальда Загурская из Казахстана — учительница математики в Бурке под Мальборком. Франтишека Богуславского, первого председателя Союза поляков в Казахстане, наняла японо-американская фирма, хотя сейчас он тоже работает лишь эпизодически. Павел Медушевский (в 1996 г. он приехал в Польшу из Чкалова в Казахстане) — популярный зубной врач в Опаленице под Познанью.

Невозможно предвидеть, сколько наших соотечественников выразит желание вернуться на родину. Мы рассчитываем, что из 47 тысяч поляков в Казахстане вернется в Польшу половина, — говорит Артур Козловский. В других азиатских республиках поляков намного меньше, а сколько их насчитывается в азиатской части Российской Федерации, мы не знаем.

Переселенческая акция, проводимая на основе закона, принятого в ноябре 2000 г., должна охватить 30 тыс. человек. Но может оказаться, что число это сильно занижено. Так, в 80 х

годах предполагалось, что в Казахстане 800 тыс. немцев. До 1997 г. эти 800 тысяч выехали в ФРГ, после чего в Казахстане обнаружилось еще столько же немцев. Если бы немецкое правительство не изменило иммиграционную политику и не притормозило репатриацию, их набралось бы миллион, а может, и два. Там попросту в массовом порядке подделывали документы, подтверждающие немецкое происхождение, чтобы попасть в ФРГ и получить пособие и жилье. С подтверждением польских корней происходит нечто подобное.

Закон о репатриации накладывает на консула обязанность решать, признать ли данного человека поляком и отвечает ли он критериям, необходимым для получения польского гражданства. Заинтересованное лицо должно доказать, что хотя бы один из его родителей, дед или бабушка либо двое из прадедов и прабабушек были поляками, а также привести доказательства своих связей с нашей страной, особенно в том, что касается сохранения ее традиций и обычаев. Доказательствами, подтверждающими происхождение, могут быть документы, выданные польскими властями (записи отдела актов гражданского состояния или свидетельства о крещении). Правомочными считаются и документы, выданные советскими властями и подтверждающие факт депортации, если в них указано: национальность — поляк.

На практике в консульства обращаются лица, мало связанные с Польшей. Большинство казахских поляков не говорят по-польски. Даже собрания Союза поляков в Казахстане ведутся обычно по-русски, а среди полутора десятков человек в его руководящих органах по-польски говорят лишь несколько.

! Закон о репатриации — это *opus magnum* [главный труд] парламента. Приняв его, Сейм выполнил свой моральный долг перед поляками, оставшимися на Востоке, — полагает Рышард Чарнецкий, председатель комиссии Сейма по связям с польской диаспорой.

— Мы не имеем морального права отказать в праве возвращения никому из тех, кого вывезли в глубь СССР. Но свое представление о Польше наши новые граждане формируют, приезжая к нам на богомолье и в летние лагеря, то есть на основе кратковременных визитов, во время которых их окружают лаской и заботой, — полагает Артур Козловский. ! После таких посещений многие наши соотечественники воображают себе, что наша страна не менее заботлива, чем Германия или Швеция. Когда же они переселяются сюда окончательно, иллюзии рушатся.

Проблему репатриации поляков с Востока решать было необходимо, поэтому мало кто сомневается в целесообразности принятого закона. Депутаты, однако, должны сказать всю правду о том, как это происходит. Между тем поляков как на родине, так и за границей прельщают картиной великого возврата, подобного возвращению немцев в Германию или евреев в Израиль. Но там на эти цели выделяются сотни миллионов долларов ежегодно. У Польши таких денег нет, поэтому нам грозит ползучая репатриация. Никто не говорит всей правды и о реальной сумме расходов, потребной на содержание новых граждан и по меньшей мере в шесть раз превышающей запланированную. Быть может, следовало бы проблему репатриации решить так, как американцы решили вопрос политической иммиграции: получай визу и жизненный шанс, но о судьбе своей изволь позаботиться сам.

ПРЕМИЯ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Премия Чеслава Милоша (не имени Милоша!) учреждена в 1991 году. Ее должно было присуждать жюри в составе: Ян Юзеф Щепанский (председатель), Юлия Гартвиг, Яцек Бохенский, Владислав Терлецкий, Тадеуш Древновский.

Премию получили: в 1991 г. Александр Юревич за книгу «Лида», в 1992 м — Анджей Шмидт за сборник стихов «Скрипочки», в 1993 м — Анджей Калинин за книгу «И Бог о нас забыл».

В 1994 г. премия не присуждалась, так как жюри не смогло собраться. Члены жюри просили избавить их от слишком тяжелой обязанности. Поэтому выбор лауреатов взял на себя учредитель премии. В 1995 г. премию получила Иоанна Полляк за книгу «Думая об образах». Затем, так как я часто находился за границей, произошел перерыв в несколько лет.

В этом году я решил разделить премию (она составляет сейчас 10 тыс. злотых) между двумя поэтами, постоянными успехами которых в совершенствовании поэтического ремесла я давно восхищаюсь, — это Павел Марцинкевич и Яцек Подсядло. Воспользуюсь случаем выхода и рекламы двух книг этих поэтов, чтобы объявить, что я присудил им премию не за отдельные сборники и не за творчество в целом — это еще рано, — а за подлинность и поиски своей самобытности.

Обоснование

Хозяйство польской поэзии подвергается все новым потрясениям, вызванным спазматической историей страны и необходимостью усвоения стилей и образа мыслей, приходящих извне, главным образом с так называемого Запада. Эти два фактора действовали и в последнее десятилетие и в результате принесли своего рода кризис самобытности. Тиртейский образец утрачивался, а влияние западной массовой культуры выразилось нашествием возникшей в ее рамках поэзии, прежде всего американской.

В этих условиях такие названия, как «бунт», «варвары», «классики», «постмодернизм», следует считать слишком преходящими и мнимыми.

Подсядло и Марцинкевич в своих стихах искали ответа на вопрос: «Кто мы?» Искали в рамках языка, продолжая все

традиции начиная от Кохановского, а экзистенциально — в том, чем их действительность отличается от действительности американских поэтов. Внимательно наблюдать и описывать мир: во время странствий по Польше у Подсядло или жизни в скопищах блочных домов у Марцинкевича, — вот в чем они нашли свою подлинность и оригинальность. Конкретность уберегает их от превращения поэзии в стилистические упражнения. Они очень разные, однако у них один и тот же человеческий пейзаж их страны, сформировавшийся главным образом во времена ПНР, и поэтому я не колеблясь назову их реалистическими поэтами. Из строф Марцинкевича к нам приходят завсегдатаи «Боцманского бара», приходит та из беседки на садовых участках, что говорила «трепеща бровями», «эти пуговицы расстегаются» и путала Пруса с Прустом, Лешек со своим шурином, Михал М., инженер с генеалогией, Леон М., что вернулся из сибирского лагеря калекой, Гуть, который ходил на мессы в приход Ополе-Полдеревни. А у Подсядло мне сегодня важно, что он продолжил линию Стахуры и некоторого время был «культовым» поэтом, важны местности и лица, которые он собрал в своем бродяжничестве. Мы помним приозерные биваки, пахнущую дымом костра Лидку, присутствие Анны-Марии и игрушки Давида. Я мог бы произвести анализ стихосложения этих поэтов на фоне всей польской поэзии XIX и XX века, но это потребовало бы долгого цитирования. Во всяком случае, эти поэты опровергли мои опасения, что польская поэзия станет исключительно подражательной, — этим и обосновано присуждение премии.

Павел Марцинкевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Пожарная колонка стоит на Немодлинской

Дареку Сосницкому

вся проржавела, но как возбуждает жажду

в этом буре чужде пыли и грязи.

Два-три раза ударить ребром ладони

и где стрелка АУФ бьет водопад.

Пузырьки света скачут друг из дружки,

белая суматоха заглушает мир.

Ледяная струя подрывает мосты

между словами, растворяет душу.

Пока не впадет безымянная река

в чудное время и чуждое тело.

А колонка стоит и работает, запаливает память,

стрелкой ZU указывая на солнечный склон дня.

Счетная машина «Триумф»

Луженый лентоприемник

облизывается на резиновые ножки.

Скрежещут зубцы движков,

но умножение не клеится:

покрутишь рукояткой,

а в глазке дымящийся ноль.

Ее капризы примадонны,

когда всю первую пятилетку

блистала на директорском столе.
Ее горечь эмигрантки,
когда блуждала в отделе зарплаты
до рыночной старости.
Что теперь с нею делать?
Пусть идет откуда пришла,
в душный чулан на чердаке.
Туда, где рыжая бухгалтерша
начисляет премии ударникам,
радостная, как молодой Энгельс.

Отдел возврата

Над городом привидений восходит
модель Ту-144, луна рождественских снов.
Навстречу наворачивается улица Победы,
слепая, как последний автобус.
Луги за казармами пылью
порастают. Зевают-зияют прясла мостов.
И рябью шелушится река в грязном
русле памяти. И труба ТЭЦ,
тощая, как обглоданная кость, пересекает горизонт.
Персонал в серых пыльниках осаждают магазины,
марширует с сетками по главному тротуару.
Только на закате чахлый свет вливается
в холодные вещи.
Тогда-то и возвращаешься туда,
ты, мальчик, заклятый в летней молнии.

Подходишь к выщербленной стене
суперсама. И первый удар мяча
раздирает тишину как сердечный приступ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Генри Кинг пишет, а потом рвет в клочья письмо
Джону Донну

Не даром смерть гордится — не только сон ей братом
бывает. Приглядися к припадкам и возвратам
маразма, слабоумья, к утрате слуха, зренья,
и прочих чувств, и боли. Кто набрался терпенья
смерть изгонять бессмертьем, перечит словом слову.

А «не не жить» — не то же, что просто «быть
живому».

Всего верней у жизни выигрывает схватку
смерть, с самого начала гася ее лампадку,
когда гуляют в детской плачеи-паяцы
и гномики-могильщики... Хоть раз не побояться
сложить останки в санки, и да не дрогнут веки,
бо в ангельском архангельске поселится вовеки
мертво-живое серебро, средь крыл, и лир, и струн.
Песен не жди, когда бревно несущу я столяру.

Кафе «Под Леливой»

Бильярдный стол освещен, будто операционный,
пестрый треугольник пятнадцати шаров, трупные
песни Фредди Меркюри,
желтизна искусственных фрезий. В волосах у Магды
растаял первый снег.

Мать ее подруги вчера погибла в дорожном крушении,
этот туман,

эта смерть между нами третьей влезает с утра.

На школьной стене, за которой учителя неуверенно
пробуют

уверить учеников в красоте сонетов Петрарки,
невидимая рука

намазюкала: «Барби с заду до упаду». Красиво.

Город выглядит оставленным, сумерки занимают его
без единого выстрела.

Первые бильярдисты приходят, вынимают из
стойки

кии, волшебные палки, взвешенные копья, белят
кончики мелом,

сейчас начнется.

Начало сентября, Краков

*Женщины, познающие комический
стыд мужчин,*

*Мужчины, познающие комический
стыд женщин.*

Чеслав Милош. Дальние окрестности

Шлепнув цемента, кладут пустотелый кирпич на
кирпич,

кроют этернитом, венчают вешкой.

Неожиданно зависаю у тебя на губах,

тащат кушетки, несут трубы ковров, чтобы выгнать
эхо

из пустых интерьеров. И мы делаем то же,

против той же пустоты, перерастающей нас.

Вот и рассвет, запускается проектор дня, кончается
милый амок,

наши тела лежат в руинах, как завоеванные города.

Поэзия нет

Пробегаю глазами продолжение старого письма.

«После географии мы бежали из класса, как лани от стаи волков.

Не повезло — наткнулись на директора.

Резко затормозили, но ничего не вышло.

Директор вернул нас в класс, велел построиться парами.

Но едва лишь педагоги остались позади, мы с Альдоной прыгнули с лестницы.

Я удачно. Она упала

на поднимавшегося по лестнице парня.

Он выглядел смущенно, но Альдонку из объятий не выпустил».

О директоре ничего не знаю. Ослепляла ли его ненависть к этой юности, близкой и недостижимой?

Предположив, что он был зол и стар, оставляю его там, выше этажом,

чем разыгрывающееся здесь мгновение красоты, между

картой весны народов и разрезом бутона розы. Они утекли с глаз,

но парень все не выпускает ее из рук. Замедленный темп.

Он покашливает, смеется, она что-то бормочет и удирает.

Есть в ней что-то, чего еще только что не было,

приятная скверна. Они впадают в странную радость, без конца хихикают.

Я заплатил бы, чтоб знать, что сделают они с этим остатком дня.

«Представь себе ее мину, когда оказалось,

что он к нам прислан на практику, преподавать французский».

Перевела Наталья Горбаневская